

УДК 343

Нарек Гургенович ГРИГОРЯН,
адъюнкт Санкт-Петербургского университета
МВД России

nargrigspb@mail.ru

ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

RECEIVING A BRIBE UNDER AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA AND THE RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE ANALYSIS

В статье анализируются квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки получения взятки, закрепленные в уголовных законах Республики Армения и Российской Федерации, а также в проекте нового Уголовного кодекса Республики Армения, который не дифференцирует ответственность за получение взятки в крупном и особо крупном размере, а также группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Констатируется, что общественная опасность должностных преступлений в целом и взяточничества в частности определяется исходя из поведения и умысла должностного лица, а не по последствиям, однако обосновывается, что размер взятки является хотя и косвенным, но достаточно точным показателем степени общественной опасности преступления, поскольку чем важнее цель, тем больше средств требуется для ее достижения. Автор подчеркивает, что согласно общепринятому подходу общий субъект не может быть исполнителем, следовательно, и соисполнителем взяточничества, и предлагает подход, закрепленный в абз. 3 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24, предусмотреть на законодательном уровне. Обосновывается целесообразность установления в армянском законодательстве дифференциации субъектного состава получения взятки. Автор также аргументирует вывод о необходимости криминализации деяния, состоящего в принуждении к даче неправомерного преимущества со стороны должностного лица.

The article analyzes the qualifying and especially qualifying signs of receiving a bribe, which are enshrined in the criminal laws of the Republic of Armenia and the Russian Federation, and in the draft of the new Criminal Code of the Republic of Armenia, which does not differentiate responsibility for receiving bribes in large and especially large size, as well as by a group of persons upon a preliminary collusion or by an organized group. It is stated that the public danger of white-collar crimes in general and bribery in particular is determined on the basis of the behavior and intent of an official, and not by the consequences, however, it is proved that the size of bribe is an indirect but fairly accurate indicator of the degree of public danger of the crime, because the more important the goal, the more money required to achieve it. The author emphasizes that according to the generally accepted approach, a common subject cannot be a performer, and therefore a co-performer of bribery and offers a basic approach which is enshrined in paragraph 3, Part 16 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of July 09. 2013. N 24 to establish at the legislative level. The author substantiates the expediency of establishing differentiation of the subjective side of the delicti of receiving a bribe in the Armenian legislation. The author also argues for the conclusion that it is necessary to criminalize the act of forcing an official to give an unlawful advantage.

Ключевые слова: основной состав получения взятки, законодательство, квалифицирующие признаки, должностное лицо, вымогательство взятки, субъектный состав, неправомерное преимущество.

Keywords: the main corpus delicti of receiving a bribe, legislation, qualifying features, official, extortion of a bribe, subjective side of the delicti, unlawful advantage.

В качестве квалифицирующих признаков основного состава получения взятки действующее армянское уголовное законодательство устанавливает получение взятки за заведомо незаконные действия (бездействие) (ч. 2 ст. 311 УК РА), с вымогательством взятки, совершение группой лиц по предварительному сговору и в крупных размерах (п.п. 1, 2 и 3 ч. 3 ст. 311 УК РА), а также организованной группой, в особо крупных размерах и судьей (п.п. 1, 2 и 3 ч. 4 ст. 311 УК РА). При этом словосочетание «то же деяние», ошибочно закрепленное в ч. 3 ст. 311 УК РА вместе с вымогательством взятки только за заведомо незаконные действия (бездействие), уголовно наказуемым устанавливает такие квалифицирующие признаки рассматриваемого состава, как получение взятки группой лиц по предварительному сговору и в крупных размерах. В то же время за получение взятки организованной группой, в особо крупных размерах и судьей, которые установлены в ч. 4 той же статьи, уголовная ответственность за получение взятки предусматривается как за законные, так и заведомо незаконные деяния. В итоге при буквальном толковании закона получение взятки группой лиц по предварительному сговору имеет место только за заведомо незаконные действия (бездействие), а получение взятки организованной группой – как за законные, так и не законные деяния, или получение взятки в крупных размерах имеет место только за заведомо незаконные деяния, а в особо крупных размерах – как за законные, так и незаконные, что, конечно, звучит парадоксально.

Однако и этим проблемы с квалифицирующими признаками состава получения взятки не заканчиваются. Часть 4 ст. 311 УК РА на-

чинается словосочетанием «деяния, предусмотренные частями первой, или второй, или третьей настоящей статьи, совершенные...». И если с ч. 1 (основной состав) и ч. 2 (получения взятки за заведомо незаконные действия (бездействие) ст. 311 УК РА проблем не возникает, то в связи с ч. 3 несогласованность очевидна: вряд ли возможно одновременно получить взятку в крупном и особо крупном размере или организованной группой и группой лиц по предварительному сговору. Следует подчеркнуть также, что та же ошибка допущена и при образовании конструкции ч. 3 и ч. 4 ст. 311.1 (получение публичным служащим, занимающим должность публичного служащего лицом незаконного вознаграждения), ч. 3 и ч. 4 ст. 311.2 (использование реального или предполагаемого влияния) и 311.2 (дача публичному служащему, занимающему должность публичного служащего лицу незаконного вознаграждения) УК РА.

Эти законодательные пробелы в правоприменительной практике при буквальном толковании закона могут создать серьезные проблемы, вплоть до освобождения виновных от уголовной ответственности.

Справедливости ради следует отметить, что в Проекте нового Уголовного кодекса РА¹ (далее – Проект) вышеуказанные пробелы устранены. Как квалифицирующие признаки получения взятки в ч. 2 ст. 413 Проекта установлены: 1) группой должностных лиц; 2) за попустительство или покровительство, или иное незаконное действие или бездействие в пользу взяткодателя или указанного им лица; 3) с угрозой ущемления прав, свобод или законных интересов лица. Очевидно, что последний квалифицирующий признак заменяет состав «вымогательство взятки», однако при этом такие квалифицирующие признаки

¹ Проект нового Уголовного Кодекса Республики Армения. URL: <https://www.e-draft.am/> (дата обращения: 30.05.2020).

основного состава, как получение взятки в крупном и особо крупном размерах, а также группой по предварительному сговору или организованной группой, судьей, которые предусмотрены в действующем УК РФ, разработчики Проекта исключили.

Обоснованность такого подхода рассмотрим в контексте анализа квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков получения взятки в действующем уголовном законодательстве Армении и России.

Следует отметить, что в армянском уголовном законодательстве, в отличие от российского, предмет подкупа не имеет четко выраженного материального характера. Установление нематериального предмета, безусловно, расширяет пределы его толкования, поскольку кроме имущественных выгод «новый» предмет взятки включает также неимущественные выгоды. В положениях активного и пассивного подкупа Проекта он не только сохранился, но и в соответствии со ст. 2 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г.) (далее – Конвенция) нашел свое дословное отражение – «какое-либо неправомерное преимущество».

Примечательно, но такое понимание предмета активного и пассивного подкупа прослеживается не только в ст. 2 Конвенции и рекомендациях ГРЕКО¹, чем и обусловлен подход армянского законодателя, но и в российской уголовно-правовой науке. В своих диссертационных исследованиях Е.В. Яковенко, С.М. Будатаров, П.В. Никонов развивая мысли А.И. Кирпичникова [9, с. 63], И.А. Клепицкого и В.И. Резонова [10, с. 139], утверждают о нецелесообразности установления «крупного размера» (следовательно, и особо крупного) взятки и предлагают исключить этот квалифицирующий признак из ч. 5 ст. 290 УК РФ. Так, Е.В. Яковенко утверждает, что объект взяточничества не материален и причиняемый ему ущерб нельзя оценивать в денежном выражении [17, с. 123]. По мнению С.М. Будатарова, получение должностным лицом взятки нарушает принцип безвозмездности публичной службы. Основываясь

на этом, автор делает вывод, что установление размера материального ущерба при взяточничестве не имеет смысла [4, с. 24]. П.В. Никонов отмечает, что величина незаконного вознаграждения не влияет на общественную опасность и при таком положении вещей «... смысл и значение в существовании данного квалифицирующего признака (имеется в виду крупных размер взятки) не имеет уголовно-правовой мотивации» [12, с. 22].

Мы глубоко убеждены в том, что общественная опасность взяточничества должна определяться не по последствиям, а по поведению и умыслу должностного лица. Однако содержание предмета получения взятки как корыстного должностного преступления должно иметь четко выраженный материальный (имущественный) характер, поскольку чем важнее цель, тем больше средств требуется для ее достижения. Следовательно, размер взятки является хоть и косвенным, но достаточно точным показателем степени общественной опасности преступления. Той же логики следовали армянские и российские законодатели при дифференциации опасности преступления, введя в оборот крупный и особо крупный размеры взятки. Более того, российский законодатель пошел еще дальше, установив ответственность за дачу (получение) взятки в значительном размере и мелкое взяточничество. Да и нелогично ставить знак равенства между получением взятки, скажем, в значительном и крупном или особо крупном размерах, не говоря уже о дифференциации общественной опасности личности виновного. Очевидно, что исключение размеров из квалифицирующих признаков получения взятки в правоприменительной практике породит определенные сложности, и подход разработчиков Проекта объясняется исключительно упомянутым нематериальным предметом получения взятки, внедрение которого в национальное уголовное законодательство вытекает из обязательств, взятых Арменией перед международным сообществом.

Уже отмечалось, что в российском уголовном законодательстве предмет взятки имеет четко выраженный материальный характер.

¹ Доклады ГРЕКО по Армении. URL: <https://www.coe.int/en/web/greco/evaluations/armenia> (дата обращения: 15.05.2020).

Относительно размеров взятки в российской уголовно-правовой науке дискуссию вызвал вопрос о признании оконченным преступлением принятия должностным лицом части незаконного вознаграждения. Так, Б.В. Волженкин, Т.Г. Жукова и другие исследователи считают, что недополучение взятки в крупном (следовательно, значительном и особо крупном) размере должно квалифицироваться как покушение на получение взятки, основываясь на том, что фактические условия, образующие состав этого преступления, по не зависящим от должностного лица обстоятельствам не были выполнены полностью [5, с. 57, 13, с. 84]. Однако А.С. Мещерский обосновывает, что для квалификации деяния как оконченного преступления исходить надо исключительно из направленности умысла, и получение должностным лицом хотя бы части взятки следует квалифицировать как оконченное преступление [11, с. 24-25]. В публикуемой Верховным Судом РФ практике также наблюдается такой подход, отмечает П.С. Яни, одновременно приводя пример, когда взятку в крупном размере предлагалось передать в два приема, а взяткодатель был задержан при передаче оставшейся части, содеянное было квалифицировано как получение взятки в крупном размере [18, с. 21]. Дискуссионный и одновременно важнейший для правоприменительной практики вопрос был решен на уровне высшего судебного органа России, который в п. 11.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указал, что размер фактически принятого незаконного вознаграждения не может влиять на квалификацию деяния как оконченного преступления, если должностное лицо намеревалось получить взятку в значительном, крупном или особо крупном размере.

Как российское, так и армянское уголовное законодательство предусматривает такие квалифицирующие составы получения взятки, как «группой лиц по предварительному сговору» и «организованной группой» (п. в) ч. 5 ст. 290 УК РФ; п. 2 ч. 3 ст. 311 и п. 2 ч. 4 ст. 311 УК РА), которые в Проекте не предусматриваются. Вместо этого в п. 1 ч. 2

ст. 413 Проекта предусматривается получение взятки «группой должностных лиц», что в ст. 311 действующего УК РА отсутствует. Тот факт, что соглашение о получении взятки должно состояться между двумя и более должностными лицами (выделено мною. – Н.Г.), безусловно, нами оценивается положительно, однако считаем ошибочным не учитывать, что соглашение о получении взятки состоялось до или после передачи взятки. Кроме того, не без основания в ст. 41 УК РА законодатель четко разделяет преступления, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом. Примечательно, но в п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ также не указано, что группа (в том числе организованная) должна состоять из должностных лиц, что и вызвало дискуссию в российской уголовно-правовой литературе. Базовый подход, поддержанный исследователями, основу которого изложил Б.В. Волженкин [5, с. 191], нашел закрепление в абз. 1 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Из данного определения можно выделить следующие обязательные признаки этого состава: а) в сговор вступают как минимум два должностных лица; б) сговор о совершении преступления должен быть предварительным; в) каждое из должностных лиц (входящих в конкретную группу) является соисполнителем данного преступления.

Относительно субъектного состава рассматриваемого квалифицирующего признака несколько иной позиции придерживается В.В. Роот, по мнению которого, даже при участии только посредника во взяточничестве действие должностного лица следует квалифицировать как совершенное группой лиц по предварительному сговору [13, с. 141-142]. Однако, несмотря на то, что автор приходит к такому выводу, учитывая повышенную опасность поведения должностных лиц, которые вовлекают в преступление иных соучастников, отметим, что пособническую роль неспециальных субъектов нельзя игнорировать. Другой вопрос, что при таких случаях следует усиливать ответственность специальных субъектов.

Вместе с тем определение момента окончания получения взятки группой лиц по предварительному сговору в уголовно-правовой науке остается дискуссионным. По мнению Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева и других, преступление следует считать оконченным при получении взятки хотя бы одним из должностных лиц [16, с. 578-579]. Для признания состава оконченным С.М. Будатаров считает необходимым получение взятки каждым из участников группы [4, с. 22-23]. Относительно коммерческого подкупа той же позиции придерживается Л.П. Тумаркина [15, с. 97].

Вопрос о моменте окончания данного преступления также представляет определенный интерес. Из анализа ч. 2 ст. 41 УК РА и ч. 2 ст. 35 УК РФ следует, что получение взятки может быть признано совершенным группой лиц по предварительному сговору, если как минимум два надлежащих субъекта непосредственно совершили действия, образующие объективную сторону состава преступления. И если в армянском уголовном законодательстве получение взятки считается оконченным с момента требования, обещания получить или принятия предложения взятки (усеченный состав) и в правоприменительной практике не возникает особых проблем при вменении этого квалифицирующего признака, то в УК РФ оно считается оконченным в момент получения хотя бы части взятки. То есть если при наличии сговора на совместное получение взятки группой лиц фактически объективную сторону состава выполняет лишь одно должностное лицо (состоявшее в сговоре, конечно), то при буквальном толковании закона такое преступление не может считаться совершенным группой лиц по предварительному сговору.

Однако складывается совершенно другая ситуация применительно к преступлениям, подобным получению взятки. Как уже отмечали, опасность взяточничества определяется по поведению и умыслу должностного лица. Следовательно, факт того, что объективную сторону состава преступления выполнило состоявшее в сговоре лишь одно должностное лицо, не должен влиять на квалификацию содеянного. Такой подход закреплен и в

абз. 2 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Более того, в абз. 2 п. 15 постановления отмечается, что для вменения данного квалифицирующего признака не имеет значения, какая сумма получена каждым из членов группы и сознавал ли взяткодатель, что незаконное вознаграждение предусмотрено для нескольких должностных лиц.

В отличие от российского законодателя, который в п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ получение взятки организованной группой установил вместе с группой лиц по предварительному сговору, по существу необоснованно приравнивая эти понятия, действующее армянское уголовное законодательство эти квалифицирующие признаки устанавливает отдельно среди особо квалифицирующих признаков основного состава получения взятки. Вместе с тем в уголовно-правовой науке справедливо критикуется законодательная формулировка «получение взятки организованной группой», поскольку получить взятку никакая группа, сколь бы организованной она ни была, не может. Действительно, хотя очевидно, что имеет в виду законодатель, однако такая формулировка не очень корректна с точки зрения науки уголовного права. Нет коллективного субъекта уголовной ответственности, но есть персональная ответственность конкретных двух или более лиц, совершивших преступление в составе группы (с предварительным сговором или организованной) [1, с. 345].

Вместе с тем в науке уголовного права дискуссионным остается вопрос о признании соисполнителями лиц, не являющихся должностными, но входящих в организованную группу. Так, относительно коммерческого подкупа С.В. Изосимов отмечает, что квалификацию действий членов организованной группы, не являющихся должностными лицами, следует производить с учетом положений ч. 4 ст. 34 УК РФ [8, с. 6]. Аналогичного мнения придерживается и Л.П. Тумаркина [15, с.100]. Ряд других авторов, среди которых В.Н. Борков, Б.В. Волженкин, Р.Н. Сучков, утверждают, что нелогично считать участника организованной группы организатором, подстрекателем или пособником в получении

взятки организованной группой, справедливо подчеркивая, что виновный не способствовал группе, а был ее членом [2, с. 19-20; 5, с. 191; 14, с. 23]. Солидарен с этими исследователями и П.С. Яни, который отмечает, что без ссылки на ст. 33 УК РФ могут быть квалифицированы и действия неспециального субъекта, если в составе организованной группы он способствует ее устойчивости, планирует преступления, хранит полученные в качестве взятки ценности и т.п. [19, с. 25-26]. Более того, по его мнению, организованная группа взяткополучателей может состоять из одного специального и других неспециальных субъектов [20, с. 31].

Именно позиция этих авторов закреплена в абз. 2 и 3 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», где разъясняется, что помимо одного или нескольких должностных лиц в организованную группу могут входить также лица, не обладающие признаками специального субъекта данного состава, а также действия всех членов организованной группы, независимо от того, какие функции они выполнили в подготовке и совершении данного преступления, следует квалифицировать по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ. Что касается момента окончания преступления, то оно признается таковым с момента принятия взятки любым членом организованной группы.

Учитывая особенности взяточничества, мы солидарны с таким подходом, однако применительно именно к взяточничеству. Вместе с тем хотелось бы особо подчеркнуть, что согласно общепринятому подходу неспециальные субъекты не могут быть исполнителями преступления со специальным субъектом. Отсюда следует однозначный вывод, что они не могут быть и соисполнителями взяточничества. В связи с этим приемлемый базовый подход в науке уголовного права и закрепленный в вышеуказанном постановлении Верховного Суда РФ является исключением, нарушающим имеющее приоритет правило, установленное в ст. 34 УК РФ (ст. 39 УК РА). Учитывая вышеизложенное, предлагаем проблему решить на законодательном уровне.

Следует отметить также, что, хотя Армения пошла по пути дословного отражения положений активного и пассивного подкупа международных антикоррупционных конвенций в национальном уголовном законодательстве, однако кроме получения взятки судьей, которое установлено как особо квалифицирующий признак и было введено в УК РА законом РА-18-Н от 9 февраля 2012 г., дифференциация субъектного состава получения взятки законодателем осталась без внимания. Более того, в Проекте такая дифференциация вообще отсутствует, и все субъекты, независимо от занимаемой должности, несут ответственность по общим положениям. Отметим, что, в п. «а» ст. 1 Конвенции, которую Армения ратифицировала еще в декабре 2004 г., для ее целей дается определение понятия «публичное должностное лицо», которое охватывает определения «должностное лицо», «публичный служащий», «мэр», «министр» или «судья», используемые во внутригосударственном законодательстве. Термин «судья», в свою очередь, включает также прокуроров и лиц, занимающих судебные должности (п. «б» ст. 1).

Безусловно, получение взятки судьей армянский законодатель выделил в качестве особо квалифицирующего признака по той простой причине, что получение взятки лицом, назначенным на эту должность, обладает более высокой общественной опасностью. Получая взятку, судья подрывает основы правосудия – авторитет судебной власти и доверие к правоохранительным органам. Однако занимающие ответственные государственные должности субъекты остались вне внимания законодателя и несут ответственность по общим положениям, что свидетельствует о несправедливом подходе как армянского законодателя, так и разработчиков Проекта. Следует отметить, что российский законодатель в ч. 4 ст. 290 УК РФ дифференцированно подходит к лицам, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главам органов местного самоуправления. Считаю, что такой подход обоснован, и предлагаем п. 3 ч. 4 ст. 311 УК РА изложить в следующей

редакции: «... судьей, депутатом, министром, заместителем министра, управляющим региона, мэром, главой органа местного самоуправления РА, а также лицом, занимающим судебные должности».

Определенный интерес представляет также анализ вымогательства взятки. В науке уголовного права до сих пор нет ясности о природе термина «вымогательство», должным образом не исследовалось и его соотношение с вымогательством как отдельным преступлением против собственности. Более того, понятие «вымогательство» в армянском уголовном законодательстве раскрывается только с точки зрения признаков преступления против собственности. Согласно ч. 4 ст. 36 закона РА «О нормативно-правовых актах» при определении одного и того же понятия или выражении одной и той же мысли в нормативно-правовом акте должны применяться одни и те же слова, термины и словосочетания в определенной последовательности. Возникает вопрос: следует ли при квалификации вымогательства взятки принимать за основу понятие «вымогательство», раскрываемое в ст. 182 УК РА? Из буквального толкования закона следует, что положение о вымогательстве, приведенное в ст. 182 УК РА, должно применяться и в случае вымогательства взятки, что, естественно, невозможно с учетом существенных содержательных различий между вымогательством как преступлением против собственности и вымогательством как должностным принуждением к даче взятки. Отметим, что аналогичная проблема существует и в российском уголовном законодательстве, а в российской уголовно-правовой науке не раз предлагалось «отказаться от «неудачного» в смысловом и стилистическом отношении термина «вымогательство взятки» [3, с. 62].

Одновременно обращает на себя внимание факт, что как советские, так и действующие уголовные законы обеих государств вымогательство взятки предусматривают исключительно как квалифицирующий признак основного состава получения взятки. Более того, начиная с декретов СНК и постановле-

ний Пленума Верховного Суда ССР и заканчивая постановлениями высших судебных органов России и Армении (например, Декрета СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», постановлений Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. N 9, от 23 июля 1977 г. N 16, от 30 марта 1990 г. N 3, постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. N 6 и от 9 июля 2013 г. N 24, прецедентное постановление Кассационного суда РА по делу Эд. Закаряна и других¹⁾ действия вымогателя взятки рассматриваются во взаимосвязи с противоправными действиями взяткодателя. Так, в абз. 1 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в качестве объективного признака состава вымогательства взятки называются: 1) требование взятки, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица; 2) заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов.

Как видно, перечисленные признаки вымогательства производны от поведения взяткодателя и подчеркивают договорный характер взяткодателя и взяткополучателя. Получается, независимо от характера и степени принуждения состав вымогательства взятки не имеет место, если действия взяткодателя были противоправными. Однако при таком подходе, полагаем, что не в полной мере учитываются особенности «вымогательства взятки». Проблема в том, что если в случае «простой взятки» уголовный закон преследует преступную продажность должностного лица, тем самым обеспечивая нормальное функционирование публичной власти и интересы публичной службы, ее авторитет, то суть введения наказания за вымогательство взятки, на наш взгляд, заключается в том, что под уголовно-правовую охрану от незаконных действий должностного лица берется и

1 Постановление Кассационного суда Республики Армения по делу Эд. Закаряна и других от 15.08.2014 N 0002/01/13. URL: http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&case_id=14355223812293141 (дата обращения: 20.05.2020).

частное лицо – обычный гражданин, то есть общественные отношения, охраняющие свободу, честь, достоинство, имущество, права и законные интересы человека и гражданина. Не без основания Е.В. Яковенко предлагает дополнить УК РФ самостоятельным коррупционным составом (ст. 290.1), утверждая, что при вымогательстве взятки дополнительным объектом данного преступления выступают права и законные интересы граждан [17, с. 9]. Обоснованность дифференцированного подхода исследователя сомнений не вызывает, однако мы убеждены в том, что при вымогательстве взятки сам способ совершения преступления (преступная инициатива должностного лица) следует рассматривать как определяющий фактор, а не права и законные интересы лица, которые, безусловно, грубо нарушаются в результате вымогательства. Кроме этого, как справедливо отмечает С.М. Будатаров, ее авторское определение «Вымогательство взятки» без каких-либо существенных изменений повторяет определение вымогательства взятки, данное в п. 15 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. N 6, которое, как уже отмечалось, исходит из договорного характера и не учитывает специфику (преступную инициативу) деяния должностного лица [3, с. 64].

Следует отметить, что в науке уголовного права доминирует такое понимание, что суть вымогательства заключается в незаконном влиянии вымогателя на вымогаемого [6, с. 121-122]. То есть сущность вымогательства не в форме, а в содержании незаконного влияния. Согласившись с таким пониманием вымогательства, одновременно хотим отметить, что не стоит игнорировать и форму, в которой выражается угроза вымогателя. Вместе с тем следует учитывать, что как при вымогательстве взятки, так и при ее обычном получении источником неправомερных преимуществ со стороны должностного лица является частное лицо, структура взаимоотношений между специальным и общим субъектом также остается неизменной, что и

усложняет четкое понимание этого преступления.

Мы подчеркиваем важность дифференцированного подхода и предусмотрение различных принципов ответственности за «вымогательство взятки» и взяточничество. Исходя из вышесказанного, предлагаем вымогательство взятки, а точнее принуждение должностным лицом к даче неправомερного преимущества, установить как самостоятельное коррупционное преступление, а диспозицию предлагаемого нами нового состава коррупционного преступления изложить следующим образом: «Принуждение должностным лицом к даче неправомερного преимущества под угрозой совершения действий, входящих в круг его должностных обязанностей, либо путем совершения таких деяний, которые могут причинить ущерб законным интересам лица либо умышленно поставить его в такие условия, при которых оно вынуждено дать неправомερное преимущество для сохранения своих прав и законных интересов, наказывается...».

Потерпевший в таких случаях должен четко осознавать, что предоставляет должностному лицу неправомερное преимущество с целью защиты своих прав и законных интересов.

Справедливости ради следует отметить, что в Проекте термин «вымогательство» исключен из состава получения взятки. Вместо этого, однако, в п. 2 ч. 2 ст. 413 Проекта как квалифицирующий признак установлена уголовная ответственность за получение взятки «... с угрозой ущемления прав, свобод или законных интересов лица». Безусловно, исключение из состава получения взятки термина «вымогательство» и акцент на нарушении прав, свобод и законных интересов лиц – вдумчивый шаг разработчиков Проекта. Однако такая трансформация текста не раскрывает сути данного преступления. Преступление по-прежнему рассматривается как разновидность получения взятки, а проблемы дифференцированного подхода и установления различных принципов ответственности остаются нерешенными.

Библиографический список

1. Бабий, Н.А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России : монография / Н.А. Бабий. – М.: Юрлитинформ. 2014. – 720 с.
2. Борков, В.Н. Получение взятки: вопросы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.Н. Борков. – Омск, 2002. – 183 с.
3. Будатаров, С.М. Вымогательство взятки: уголовно-правовая характеристика / С.М. Будатаров // Сибирский юридический вестник. – 2004. – N 2. – С. 62-67.
4. Будатаров, С.М. Получение взятки: уголовно-правовая характеристика : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.М. Будатаров. – Иркутск, 2004. – 26 с.
5. Волженкин, Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б.В. Волженкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 558 с.
6. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному праву России (вопросы теории) / С.А. Елисеев. – Томск: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 176 с.
7. Жукова Т.Г. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление / Т.Г. Жукова ; науч. конс. А.Г. Кибальник. – М.: Илекса, 2007. – 136 с.
8. Изосимов С.В. Уголовная ответственность за дачу и получение коммерческого подкупа / С.В. Изосимов // Следователь. – 2001. – N 6.
9. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России / А.И. Кирпичников. – СПб.: Альфа, 1997. – 351 с.
10. Клепицкий, И.А., Резанов, В.И. Получение взятки в уголовном праве России / И.А. Клепицкий, В.И. Резанов. – М.: АРИНА, 2001. – 541 с.
11. Мещерский, А.С. Уголовно-правовые аспекты получения взятки как наиболее опасного проявления коррупции : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.С. Мещерский. – СПб., 2002. – 248 с.
12. Никонов, П.В. Уголовно-правовая характеристика получения взятки : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / П.В. Никонов. – Иркутск, 2005. – 258 с.
13. Роот, В.В. Некоторые вопросы квалификации взяточничества / В.В. Роот // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2007. – N 1. – С. 140-142.
14. Сучков, Р.Н. Получение взятки: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Н. Сучков. – Казань, 2007. – 23 с.
15. Тумаркина, Л.П. Коммерческий подкуп / Тумаркина Л.П.; науч. ред.: Капинус О.С. – М.: Кемерон, 2005. – 176 с.
16. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: Инфра-М: Контракт, 2005. – 725 с.
17. Яковенко, Е. В. Уголовно-правовая борьба со взяточничеством : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Яковенко. – Владивосток, 2004. – 300 с.
18. Яни, П.С. Новые вопросы квалификации взяточничества / П.С. Яни // Законность. – 2013. – N 8. – С. 23-27.
19. Яни, П.С. Получение взятки в составе организованной группы: квалификация действий лица, не являющегося должностным / П.С. Яни // Законность. – 2012. – N 1. – С. 22-26.
20. Яни, П.С. Разъяснения Пленума о квалификации взяточничества: стадии, соучастие, множественность / П.С. Яни // Законность. – 2013. – N 4. – С. 28-32.